

УДК 1(091):14

ОБРАЗ ФИЛОСОФИИ ФИХТЕ В НЕМЕЦКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ

Л.Ю. Корнилаев¹

Неокантианство традиционно трактуется как философия, которая формировалась с целью развития и актуализации философии Канта и кантовской трансцендентальной методологии. Однако влияние Канта на становление неокантианской традиции было хотя и определяющим, но далеко не исключительным. На неокантианство оказала существенное влияние вся немецкая послекантовская философия, в особенности системы Фихте и Гегеля, хотя сами неокантианские авторы неоднократно пытались отмежеваться от великих идеалистов. Неокантианство во многом культивировало именно фихтеанское прочтение Канта, что позволило последующим философам, в частности Х.-Г. Гадамеру, считать неокантианство «скрытым неофихтеанством». Главная цель исследования состоит в историко-философской реконструкции образа философии Фихте, сформировавшегося внутри немецкого неокантианства. Для достижения поставленной цели проанализированы ключевые проекты немецких неокантианцев, в которых наиболее отчетливо проявляется влияние философии Фихте, в частности интерпретация кантовского учения о примате практического разума. Демонстрируется, как теория ценности баденских неокантианцев и этика чистой воли марбургских неокантианцев связаны с фихтеанской ревизией кантовского учения о примате практического разума. Выявляются основные черты образа философии Фихте: фихтеанская философия оказывается близка неокантианцам именно в силу стремления соединить теоретический и практический разум; идеи Фихте получают главным образом этический разворот в неокантианстве; оригинальные теории неокантианцев содержат идеи самосознания «в духе» Фихте. Делается вывод, что возрастание метафизической составляющей в неокантианских учениях может быть связано с влиянием философии Фихте.

Ключевые слова: неокантианство, Фихте, практический разум, Кант, неофихтеанство

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 02.09.2022 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-4

THE IMAGE OF FICHTE'S PHILOSOPHY IN GERMAN NEO-KANTIANISM

L.Yu. Kornilaev¹

Neo-Kantianism is traditionally seen as a philosophy that was formed to develop and actualise Kant's philosophy and Kantian transcendental methodology. However, Kant was the determining, but by no means the only, influence on the emergence of the neo-Kantian tradition. Neo-Kantianism was strongly influenced by the entire German post-Kantian philosophy, especially by Fichte and Hegel, although neo-Kantians have repeatedly tried to dissociate themselves from the great idealists. In many ways neo-Kantianism was cultivated by the Fichtean reading of Kant, which enabled succeeding philosophers, notably H.-G. Gadamer, to consider neo-Kantianism to be "hidden neo-Fichteanism". The main goal of this study is a historical-philosophical reconstruction of the image of Fichtean philosophy formed within German neo-Kantianism. To achieve this aim I have analysed the key projects of the German neo-Kantians in which the influence of Fichte's philosophy, in particular his interpretation of the Kantian doctrine of the primacy of practical reason, is most clearly manifested. I show that the theory of values of the Southwest neo-Kantians and the ethics of pure will of the Marburg neo-Kantians are associated with the Fichtean revision of Kant's doctrine of the primacy of practical reason. The following, in my opinion, are the main features of the image of Fichte's philosophy: it is close to neo-Kantians precisely because it strives to combine theoretical and practical reason; it is in ethics that Fichte's ideas are most manifest in neo-Kantianism; neo-Kantian original theories contain the ideas of self-consciousness "in the spirit" of Fichte. The conclusion is drawn that the growth of the metaphysical component in neo-Kantian doctrines may be connected with the influence of Fichte's philosophy.

Keywords: Neo-Kantianism, Fichte, practical reason, Kant, neo-Fichteanism

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 02.09.2022. doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-4

1. Введение

В последние десятилетия продолжается выработка максимально адекватной и всесторонней оценки феномена неокантианства в истории философии. Точка зрения, рассматривающая неокантианство исключительно в качестве философского направления, неуклонно следующего «букве и духу» философии Канта, на настоящем этапе исследования представляется крайне односторонней. Безусловно, феномен неокантианства был нацелен на систематическое изучение и актуализацию кантовской философии, но нельзя недооценивать то обстоятельство, что в своем формировании это течение реципировало не только кантовскую, но и всю послекантовскую философию — в первую очередь философские системы Фихте и Гегеля². В данной статье я бы хотел сконцентрироваться на прояснении влияния Фихте на немецкое неокантианство.

Интерес к философии Фихте в конце XIX столетия в Германии заметно возрастает, что было связано главным образом с реактуализацией философии Канта и имеющихся ее интерпретаций. Неокантианские проекты конца XIX в., одной из задач которых было очищение кантовской философии от лишних элементов, то и дело требовали обращения к посткантианским ревизиям критической философии. Одной из таких ревизий, вдохновившей неокантианцев, стала философия Фихте. Цель статьи — реконструкция образа фихтевской философии, сформировавшегося внутри главных школ немецкого неокантианства, прояснение роли идей Фихте в становлении и развитии оригинальных учений ключевых представителей баденского и марбургского неокантианства (В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Ласка, Г. Когена, П. Наторпа), что позволит адекватнее оценить значение неокантианства в истории

² Анализ соотношения влияния Фихте и Гегеля на возрождение и рецепцию кантовской философии в неокантианстве достоин стать темой отдельного исследования.

1. Introduction

The past decades have seen continued efforts to work out an adequate and all-sided assessment of the phenomenon of neo-Kantianism in the history of philosophy. At the current stage of research, the view that neo-Kantianism is exclusively a philosophical current that unswervingly follows the “letter and spirit” of Kant’s philosophy appears to be extremely one-sided. That neo-Kantianism was directed towards a systematic study and actualisation of the Kantian philosophy cannot be gainsaid. But we should not underestimate the fact that as it evolved this trend was exposed not only to the Kantian but also to the post-Kantian philosophy, above all the philosophical systems of Fichte and Hegel.² In this article I propose to focus on Fichte’s influence on German neo-Kantianism.

Interest in Fichte’s philosophy increased markedly in nineteenth-century Germany, chiefly due to the resurgence of interest in Kant’s philosophy and its interpretations. Neo-Kantian projects in the late nineteenth century, one of whose tasks was to cleanse Kantian philosophy of superfluous elements, frequently involved turning to post-Kantian revisions of the critical philosophy. One such revision that inspired neo-Kantians was Fichte’s philosophy. This article aims to reconstruct the image of Fichtean philosophy formed within the main schools of German neo-Kantianism, to clarify the role of Fichte’s ideas in the emergence and development of original doctrines of key representatives of the Southwest and Marburg neo-Kantianisms (Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Emil Lask, Hermann Cohen, Paul Natorp), which would help to assess the significance of neo-Kantianism in the history of twentieth century philosophy more accurately.

² Analysis of the comparative influences of Fichte and Hegel on the revival and reception of the Kantian philosophy in neo-Kantianism merits a separate study.

философии XX в. Для достижения этой цели я рассмотрю аспекты дискуссии вокруг тезиса о неофихтеанстве неокантианских концепций и сосредоточусь исключительно на идее Фихте о примате практического разума — ключевой, на мой взгляд, для неокантианских учений, пренебрегая социально-правовыми и национальными идеями Фихте как более изученными и второстепенными в этом контексте.

2. «Неокантианство — это неофихтеанство»? Аспекты дискуссии

Содержательную связь неокантианства с философией Фихте убедительно показывают исследования М. Хайнц (Heinz, 1997), Ю. Штольценберга (Stolzenberg, 2002), Г. Эделя (Edel, 2013), Ф. Витцлебена (Witzleben, 2013), Ф. Байзера (Beiser, 2018), Л. А. Калининкова (2010), Н. А. Дмитриевой (2007) и др.

В связи с заявленной проблематикой уместно прокомментировать расхожий тезис: «Неокантианство — это неофихтеанство»³, согласно которому представители неокантианской философии были последователями и ревизионистами не столько Канта, сколько Фихте. Однако разными исследователями в этот тезис вкладывается различный смысл. А. Норас отмечает, что озвученный тезис встречается уже у Э. фон Гартмана, по мнению которого фихтеанское влияние в неокантианстве выражено в трактовке «вещи в себе» как чистого представления (Noras, 2020, S. 235). Х.-Г. Гадамер также указывал на близость неокантианства к философии Фихте прежде всего при рассмотрении пробле-

³ На данный момент не удается обнаружить в исследовательской литературе целостного представления о феномене неофихтеанства как отдельного философского направления. Под рубрику «неофихтеанство» попадают философы разных школ и направлений, использующие идеи Фихте в своих проектах. В частности, как о неофихтеанцах говорят о неокантианцах Г. Риккерт и Э. Ласке, отмечается национально-политическое неофихтеанство Р. К. Эйкена, Р. фон Моля, Ф. Ю. Шталя или Л. фон Штейна.

ly. To this end I propose to examine aspects of the discussion around the thesis that neo-Kantian concepts are neo-Fichtean, concentrating exclusively on Fichte's idea of the primacy of practical reason — which I consider to be key to neo-Kantian doctrines, ignoring Fichte's socio-legal and national ideas which are better studied separately and are secondary in this context.

2. “Is Neo-Kantianism Neo-Fichteanism?” Aspects of the Discussion

The strong link between neo-Kantianism and Fichte's philosophy has been convincingly demonstrated in the studies of Marion Heinz (1997), Jürgen Stolzenberg (2002), Geert Edel (2013), Frank Witzleben (2013), Frederick Beiser (2018), Leonard A. Kalinnikov (2010), Nina A. Dmitrieva (2007) and others.

In the light of the stated problem it would not be irrelevant to comment on the popular thesis that “neo-Kantianism is neo-Fichteanism”,³ whereby the representatives of neo-Kantian philosophy were the followers and revisionists not so much of Kant as of Fichte. The thing is that different scholars invest this thesis with different meanings. Andrzej Noras (2020, p. 235) notes that the thesis already appears in Eduard von Hartmann, who claims that Fichtean influence on neo-Kantianism is expressed in the interpretation of the thing in itself as a pure representation. Hans-Georg Gadamer also noted that the closeness between neo-Kantianism and Fichte's philosophy is most readily apparent in their treatment of the

³ At the time of writing I have not found in the literature a comprehensive idea of the neo-Fichteanism phenomenon as a distinct philosophical trend. The “neo-Fichtean” label is stuck on philosophers belonging to different schools and trends who use Fichte's ideas in their projects. Thus, Rickert and Lask speak of neo-Kantians as neo-Fichteans, and Rudolf Christoph Eucken, Robert von Mohl, Friedrich Julius Stahl, and Lorenz von Stein are mentioned as neo-Fichteans.

мы интерсубъективности (см., напр.: Gadamer, 1995, S. 88). Этот тезис фигурирует также в статье Ф. Байзера «Неокантианство как неофихтеанство», где выделены четыре черты, сближающие неокантианство с фихтеанством: национализм, социализм, активизм и динамизм в понимании соотношения рассудка и чувственности (Beiser, 2018). Данные черты отсылают главным образом к социально-политическому аспекту идей Фихте. Байзер также утверждает, что в теоретическом плане в раннем неокантианстве (О. Либман, Ф. Ланге) господствовала фризская критика философии Фихте, которая настаивала на невозможности реализации его идей. Философия Фихте трактовалась как отступление в докантовские догматические времена, и именно поэтому констатировалась необходимость вернуться к Канту. С точки зрения Байзера, эта догматизирующая трактовка философии Фихте господствовала до появления диссертации баденца Э. Ласка в 1902 г. Ласк смещает фризское понимание философии Фихте и трактует ее в позитивном ключе как способную сохранить кантовский потенциал (Ibid., S. 325), что реализуется главным образом в фихтеанском решении проблемы иррационального. Однако стоит отметить, что Байзер игнорирует анализ влияния философии Фихте на становление теории ценности баденских философов, ведь позитивное влияние Фихте в теоретической философии не ограничивается проблемой иррационального и не сконцентрировано только вокруг нее.

По мнению Л. А. Калининкова, неокантианство следует квалифицировать как неофихтеанство (Калининков, 2010, с. 59–60). Это обосновывается тем, что философия неокантианства оказывается не усовершенствованием философии Канта, а ее искажением. Основные представители зрелого неокантианства стремились исправить ошибки Канта, что породило проекты, близкие скорее к философии Фихте и не имеющие ничего общего с Кантом. Ка-

problem of intersubjectivity (see, for example, Gadamer, 1995, p. 88). This thesis is also present in Beiser's article "Neo-Kantianism as Neo-Fichteanism", in which he names four features that neo-Kantianism and neo-Fichteanism share: nationalism, socialism, activism and dynamism in interpreting the relation between reason and sensibility (Beiser, 2018). These features mainly have to do with the socio-political aspect of Fichte's ideas. Beiser also maintains that, at the theoretical level, early neo-Kantianism (by Otto Libman and Friedrich Albert Lange) was dominated by the Friesian critique of Fichte, which claimed that the latter's project was impossible to implement. Fichte's philosophy was construed as a retreat to the pre-Kantian dogmatic times, and this dictated a return to Kant. On Beiser's view, this dogmatic interpretation of Fichte's philosophy prevailed until the 1902 dissertation of the Southwest scholar Emil Lask. He shifted the Friesian interpretation of Fichte's philosophy in a positive direction, arguing that it is capable of preserving the Kantian potential (*ibid.*, p. 325), which is mainly realised in Fichte's handling of the problem of the irrational. However, it has to be noted that Beiser ignores the influence of Fichte's philosophy on the emergence of the Southwest philosophers' theory of values, for Fichte's positive influence on theoretical philosophy is not limited to the problem of irrationality and does not revolve around it.

Leonard Kalinnikov (2010, pp. 59-60) believes that neo-Kantianism should be qualified as neo-Fichteanism on the following grounds: Neo-Kantian philosophy turns out to be not an improvement but a distortion of Kant's philosophy. The main representatives of mature neo-Kantianism sought to rectify Kant's mistakes, which gave rise to projects that are close to Fichte's philosophy and have nothing in common with Kant. Kalinnikov cites a quotation of Kant from the "Declaration Concerning

линников указывает на цитату Канта из «Заявления по поводу наукоучения Фихте» 1799 г.: «Я настоящим заявляю, что считаю наукоучение Фихте совершенно несостоятельной системой. Ибо чистое наукоучение представляет собой только логику, которая со своими принципами не достигает материального момента познания и как чистая логика отвлекается от его содержания. Попытка выковырять из нее реальный объект представляет собой напрасный и потому никогда не выполнимый труд» (AA 12, S. 370; Кант, 1994а, с. 263). Поскольку проекты неокантианцев были нацелены на разработку именно «чистой логики», то они, следовательно, как и философия Фихте, не имеют реального объекта. Трансформация вещи в себе в трансцендентальный идеал, смешение мышления и познания, наделение индивидуального человека способностью чистого мышления дает основания говорить, что неокантианство не столько относится к кантианству, сколько дублирует метафизическую ошибку Фихте, и потому неокантианцы ближе к неофихтеанству, считает Калинин. В. Н. Белов, возражая Л. А. Калининскому, указывает на то, что важно не смешивать философские позиции, следующие «букве» или «духу» кантовской философии. Неокантианцев следует отнести к тем философам, которые следуют «духу» Канта, что не подразумевает запрета на отход от философии Канта при самостоятельных построениях. По мнению Белова, «с оценкой проф. Л. А. Калининского неокантианства как неофихтеанства следует соглашаться лишь наполовину, то есть отнести к неофихтеанству философскую позицию Баденской школы неокантианства. Что же касается Марбургской школы, и особенно ее основного представителя Германа Когена, то такая однозначная оценка представляется слишком схематичной и поверхностной» (Белов, 2016, с. 14). В недавнем исследовании В. Е. Семенов продемонстрировал, что при кажущейся близости философских учений Ко-

Fichte's *Wissenschaftslehre*, 1799: "I hereby declare, that I regard Fichte's *Wissenschaftslehre* as a totally indefensible system. For pure theory of science is nothing more or less than mere *logic*, and the principles of logic cannot lead to any material knowledge, since logic, that is to say, *pure logic*, abstracts from the content of knowledge; the attempt to cull a real object out of logic is a vain effort and therefore something that no one has ever achieved" (Br, AA 12, p. 370; Кант, 1999, p. 559). Since neo-Kantian projects were aimed at developing "pure logic" they, like Fichte's philosophy, have no real object. The transformation of the thing in itself into a transcendental ideal, the confusion of thought and consciousness, the imputing of the capacity of pure thought to the human individual warrant the conclusion that neo-Kantianism belongs less to Kantianism than it repeats Fichte's metaphysical mistake, which is why neo-Kantians are closer to neo-Fichteanism, Kalinnikov argues. Vladimir Belov challenges this view, pointing out that it is important not to confuse philosophical positions that follow "the letter" and "the spirit" of Kantian philosophy. "Neo-Kantians" should be referred to as those philosophers who embrace the "spirit" of Kant, which does not imply a ban on independent theories departing from Kant's philosophy. In Belov's opinion, "one can go along with Prof. Kalinnikov only half of the way, i.e. by including only the Southwest school of neo-Kantianism in neo-Fichteanism. As for the Marburg school, and especially its main representative, Hermann Cohen, such a flat assessment is too schematic and superficial" (Belov, 2016, p. 14). A recent study by Valerii E. Semenov (2022) has demonstrated that, notwithstanding the seeming similarity of the philosophical doctrines of Cohen and Fichte, Cohen's concept of constructive subjectivism is substantially different from Fichte's subjectivism.

гена и Фихте следует констатировать, что концепция конструктивного субъективизма Когена и спекулятивный субъективизм Фихте имеют существенные различия (Семенов, 2022).

Несмотря на важность данной дискуссии, я намерен отграничиться от прямых попыток доказательства, что неокантианство — это неофихтеанство. Если согласиться с этим тезисом, то несомненно важным будет прояснение тех идей Фихте, которые сыграли важную, а иногда и ключевую роль в становлении оригинальных философских проектов неокантианцев. Моя гипотеза заключается в том, что ключевой идеей Фихте, повлиявшей на становление этих проектов (у баденцев — теория ценностей, у марбургцев — этика чистой воли), стала фихтеанская интерпретация кантовской идеи о примате практического разума.

3. Примат практического разума и практическое самосознание

Одна из ключевых идей Канта, получившая расширение и распространение в неокантианстве, — идея примата практического разума над теоретическим: при «соединении чистого спекулятивного разума с чистым практическим в одно познание чистый практический разум обладает *приматом*, если предположить, что это соединение не *случайное* и произвольное, а основанное *a priori* на самом разуме, стало быть, *необходимое*» (AA 05, S. 121; Кант, 1994б, с. 518). Практический разум рационально формулирует общезначимые и необходимые суждения морального сознания. Он не познает то, что есть, а утверждает то, что должно быть. Практический разум позволяет человеку выйти за пределы природы, прорваться в noumenальную сферу, что не осуществимо для теоретического разума. Благодаря практическому разуму становится возможной свободная автономия. Категорический императив рассматривается как задача теоретического разума, как

Important as this discussion may be, I will refrain from direct attempts to prove that neo-Kantianism is neo-Fichteanism. If one goes along with this thesis, it would be important to explain those ideas of Fichte which played an important, and sometimes key role in the emergence of original philosophical projects of neo-Kantians. My hypothesis is that the key idea of Fichte that influenced the emergence of these projects (the theory of values with the Southwest school and the ethics of pure will with the Marburgers) was the Fichtean interpretation of Kant's idea of the primacy of practical reason.

3. The Primacy of Practical Reason and Practical Self-Consciousness

One of Kant's ideas which has been expanded and extended in neo-Kantianism is the idea of the primacy of practical reason over theoretical reason: "[I]n the union of pure speculative with pure practical reason in one cognition, the latter has *primacy*, assuming that this union is not *contingent* and discretionary but based *a priori* on reason itself and therefore *necessary*" (KpV, AA 05, p. 121; Kant, 1996, p. 237). Practical reason rationally formulates universally meaningful and necessary judgments of moral consciousness. It does not cognise what is, but affirms what ought to be. Practical reason enables man to go beyond the limits of nature, to break into the noumenal sphere, which is impossible for theoretical reason. Practical reason makes free autonomy possible. The categorical imperative is seen as the task of theoretical reason, as a synthetic *a priori* judgment, which Windelband (1880, pp. 106-107) puts in the following form: "[...] our mission goes beyond the world of our cognition [...] the life of cognition is always conditioned by the ethical striving toward the supersensible world [...]. This

синтетическое суждение априори, что в интерпретации Виндельбанда звучит следующим образом: «...наше предназначение выходит за пределы мира нашего познания. ...Жизнь познания все время обуславливается этическим стремлением к сверхчувственному миру... Это то Кант и назвал *приматом разума практического над теоретическим*...» (Виндельбанд, 1998, с. 118–119). Таким образом, с точки зрения Канта, именно нравственность ведет к формированию познавательной функции разума. Познание обусловлено стремлением к сверхчувственному, к выходу за пределы природы, а само это стремление имеет этический характер.

Понятие практического разума подверглось сложной трансформации в немецком идеализме. Практический разум у Фихте становится основанием для его концепции сознания — теории субъективности⁴. Фихте считает, что кантовскую систему следует рассматривать как соединение теоретического и практического разума в соответствии с тем принципом, что первенство среди них должно быть приписано практическому.

Почему рефлексия должна исходить из теоретической части, оставляя без внимания то, что в дальнейшем окажется, что не теоретическая способность делает возможной практическую, а наоборот, практическая — теоретическую (что разум по своей сущности только практичен и что он лишь через применение своих законов к ограничивающему его не-Я становится теоретическим). Рефлексия должна поступать так потому, что *мыслимость* практического основоположения основывается на мыслимости теоретического основоположения. А при рефлексии ведь дело идет как раз о мыслимости (Фихте, 1993б, с. 113).

⁴ В истории философии идея примата практического разума претерпела много изменений. Например, у Гегеля практический разум трансформируется в категорию «практического духа». Идея примата практического разума превратилась в марксистскую идею примата предметно-практического опыта как над научной теорией, так и над любыми этическими достоинствами.

is what Kant called *the primacy of practical over theoretical reason* [...]”⁴ Thus, from Kant’s point of view, it is morality that leads to the formation of the cognitive function of reason. Cognition is conditioned by the striving toward the supersensible, toward transcending the limits of nature, while this striving itself has an ethical character.

The concept of practical reason has undergone complex transformation in German idealism. In Fichte, practical reason is the ground of his concept of consciousness, the theory of subjectivity⁵. Fichte believes that the Kantian system should be seen as the union of theoretical and practical reason in accordance with the principle that ascribes primacy to practical reason:

[...] why reflection must begin with the theoretical part, even though it will eventually become evident that it is not the theoretical power [*Vermögen*] that makes possible the practical power [of the I], but just the reverse; it is the practical power that first makes possible the theoretical power. (It will become evident that reason in itself is purely practical and first becomes theoretical through the application of its laws to a Not-I that limits it.) — Reflection must proceed in this manner, because the thinkability of the practical foundational principle is grounded in the thinkability of the theoretical foundational principle. Thinkability, after all, is always what concerns reflection (Fichte, 2021, p. 227).

⁴ “[...] und dieses tiefere Bedürfnis kann nur in dem sittlichen Bewusstsein von unserer Bestimmung bestehen, welche über die Welt unserer Erkenntnis hinausreich. So zeigt sich, dass das Leben der Erkenntnis in seiner ganzen Ausdehnung durch den ethischen Trieb nach der übersinnlichen Welt bedingt ist [...]. Das ist es, was Kant den Primat der praktischen über die theoretische Vernunft genannt hat [...]”

⁵ In the history of philosophy the idea of the primacy of practical reason has undergone many changes. For example, in Hegel practical reason metamorphoses into the category of “practical spirit”. The idea of the primacy of practical reason turns into the Marxist idea of the primacy of objective-practical experience over scientific theory and over any ethical verities.

Примат практического разума развертывается у Фихте в бессознательной и сознательной сферах. К первой следует отнести учение об изначальном чувстве, которое дает условие возможности всякой теоретической формы. В данном случае знание основывается на бессознательном действии:

Это действие называется созерцанием; это — своего рода безмолвное, бессознательное погружение взора в предмет, теряющееся в нем... Здесь впервые проникает в сознание некоторый субстрат для Я — та чистая деятельность, которая полагается как сущая и в том случае, если не должно было быть никакого постороннего влияния, но которая полагается вследствие некоторого противоположения, следовательно, через взаимоопределение (Фихте, 1993а, с. 362—363).

В сознательной сфере примат практического разума развертывается через реализацию должного. На бессознательном уровне практический разум является побудителем всякой познавательной активности, конструирования эмпирического мира, на сознательном — утверждает должное в качестве главного руководства нашими действиями и поступками как свободного агента. Данная трактовка практического разума повлекла за собой и специфическую трактовку субъективности у Фихте. Как указывает М. Ф. Быкова, «предпринятая Фихте глубокая ревизия кантовской концепции трансцендентального субъекта привела к кардинальному изменению подхода к субъективности и стала основанием для развития посткантовского немецкого идеализма с его ориентацией на конкретного индивида как носителя теоретической и практической активности» (Быкова, 2006, с. 155).

3.1. Баденская школа неокантианства

В Баденской школе неокантианства фихтеанская ревизия кантовской идеи о примате практического разума получает широкое распространение. Понятия Фихте о практическом

The primacy of practical reason, according to Fichte, manifests itself in the unconscious and conscious spheres. The former must include the primary feeling which is the precondition of any theoretical form. In this case knowledge is based on unconscious action:

The name of such an action is intuition, a silent, unconscious contemplation, which loses itself in its object...Here for the first time a substrate for the I enters consciousness: namely, that pure activity which is posited as existing even in the absence of any foreign influence, but which is posited only in consequence of what is opposed to it, and is therefore posited by means of reciprocal determination (Fichte, 2021, pp. 394-395).

In the conscious sphere the primacy of practical reason manifests itself through the realisation of the ought. At the unconscious level practical reason is a stimulus of all cognitive activity, of constructing the empirical world, and at the conscious level it affirms the ought as the main guide of our actions and decisions as free agents. This interpretation of practical reason led Fichte to his peculiar interpretation of subjectivity. As Marina F. Bykova (2006, p. 155) observes: “[T]he profound revision of the Kantian concept of the transcendental subject undertaken by Fichte has led him to a cardinal change of approach to subjectivity, providing the foundation for the development of post-Kantian German idealism, oriented toward the concrete individual as the bearer of theoretical and practical activity.”

3.1. The Southwest School of Neo-Kantianism

Fichte’s revision of the Kantian idea of the primacy of practical reason gains wide currency in the Southwest school of neo-Kantianism. The Fichtean concepts of practical self-consciousness and original feeling acquired a sys-

самосознании и изначальноем чувстве получили у Виндельбанда и Риккерта систематическое значение и стали (у каждого по-особому) основанием их теорий ценностей.

Обращаясь к теории ценностей Виндельбанда, изложенной главным образом в статье «Что такое философия?», можно обнаружить ряд ключевых пересечений и расширений фихтеанских интуиций. Нормативизм Виндельбанда, выраженный в его учении об оценке и суждении, постулирует существование абсолютных оценок и норм, которые составляют «нормативное сознание». Согласно Виндельбанду,

нормативное сознание... значимо не в качестве фактически признанного, а в качестве такого, которое должно стать значимым; оно не эмпирическая действительность, а идеал, которым должна определяться ценность всякой эмпирической действительности. Законы этого «сознания вообще» — так это понятие определяет Кант — уже не законы природы, действующие при всех обстоятельствах и властвующие над всеми отдельными фактами, а нормы, которые должны быть значимыми и осуществление которых определяет ценность эмпирического мира (Виндельбанд, 1995, с. 51).

Именно нормативное сознание является объектом исследования философии. В отличие от других наук, исследующих то, что есть, философия занимается тем, что должно быть, так как оценка — это отсылка к норме (ценности), имеющей модус долженствования. Любая оценка, утверждает Виндельбанд, должна предполагать нечто, на основании чего можно эту оценку осуществить. Таким «мерилом» у него оказывается цель, которая должна признаваться теми, кто выносит оценку. Сама по себе оценка возможна только при наличии отсылки к норме, имеющей телеологический характер. «Поэтому всякая оценка выступает в альтернативной форме одобрения или неодобрения, субъект представления либо соответствует цели, либо ей не соответствует, и сколь раз-

tematic meaning in Windelband and Rickert who made them (each in his own way) the foundation of their theories of values.

Turning to Windelband's theory of values, set forth mainly in his article "What Is Philosophy?" we find some crucial intersections with, and expansion of, Fichtean intuitions. Windelband's normativism, expressed in his doctrine of evaluation and judgment, posits the existence of absolute evaluations and norms which constitute "normative consciousness". According to Windelband (1915, pp. 44-45),

[...] a normative consciousness which is not valid in the sense of factual recognition but ought to be so; not empirical reality, but an ideal that must determine the value of all empirical reality. The laws of this "consciousness in general" — as Kant calls it — are no longer laws of nature, valid under all circumstances and holding sway over particular facts, but norms which ought to be valid and whose implementation determines the value of the empirical world.⁶

It is normative consciousness that is the object of philosophy's study. Unlike other sciences which research what is, philosophy deals with what ought to be, since evaluation refers to the norm (value) which is in the imperative mood. Any evaluation, Windelband maintains, must imply something on the basis of which the evaluation can be made. In his view, the role of such "measure" is played by the goal recognised by the evaluators. An evaluation is only possible if there is a reference to the norm which has a teleological character. "Therefore

⁶ "[...] ein Normalbewußtsein, welches nicht im Sinne der faktischen Anerkennung gilt, sondern gelten sollte, — keine empirische Wirklichkeit, aber ein Ideal, daran der Wert aller empirischen Wirklichkeit gemessen werden soll. Die Gesetze dieses 'Bewußtseins überhaupt' — das ist Kants Ausdruck dafür — sind nicht mehr Naturgesetze, welche unter allen Umständen gelten und wonach die einzelnen Tatsachen sich gestalten müssen, sondern Normen, welche eben gelten sollen und deren Verwirklichung den Wert des Empirischen bestimmt."

личны будут степени этого соответствия или несоответствия или противоречия, столь же различной будет поэтому интенсивность одобрения или неодобрения; но одно из двух, одобрение или неодобрение, должно проявиться, если речь вообще идет о состоявшейся оценке» (Там же, с. 42). Отсылка к норме, являющейся одновременно идеалом и целью, приводит Виндельбанда к формулированию концепции самовыражения как самосознания разума — он показывает, что через самосознание разума конституируется опыт. Разум сознает себя сам, но не через соотнесение с чистым Я, как у Фихте, а через соотнесение с культурными априорными нормами и оценками.

Риккерт развивает⁵ нормативизм Виндельбанда в понимании практического разума, но придает проблеме примата практического разума гносеологический характер. Условием всякого познания является субъект, осуществляющий суждение, которое, согласно Риккерту, реализует должествование. Таким образом, Риккерт разделяет фихтеанскую идею об этико-волевом начале и его примате для всякого познания, и потому предмет познания у него полностью погружается в сферу должного. В основу всякого теоретического познания Риккерт помещает чистый практический волевой акт: «Лишь поскольку я есть моральное существо, для меня возможна достоверность, ибо критерий всякой теоретической истины сам не может быть теоретическим, он есть нечто практическое, и основываться на нем — мой долг» (Rickert, 1899, S. 8, цит. по: Гайденко, 1979, с. 108). В результате всякая теоретическая достоверность ставится им в зависимость от практического акта⁶. Практический акт, направленный на должное, оказывается искомым всеобщим критерием для всякого возможного познания. Без волевого действия субъекта, содержащего

any evaluation carries the alternative form of approval or disapproval; the imagined subject of the statement either conforms with the goal or does not; although the degree of approval or disapproval depends on the degree of this conformity or non-conformity (or contradiction), one or the other, approval or disapproval, must manifest itself if a successful evaluation is to be spoken of at all”⁷ (*ibid.*, p. 31). The reference to norm, which is at once an ideal and a goal, leads Windelband to the formulation of the concept of self-expression as the self-consciousness of reason — it shows that experience is constituted through the self-consciousness of reason. Reason is conscious of itself, but not through a relation with the pure I as in Fichte, but through a relation with cultural *a priori* norms and evaluations.

Rickert develops⁸ Windelband’s normativism in the interpretation of practical reason, but gives an epistemological twist to the problem of the primacy of practical reason. The condition of all cognition is the subject that makes a judgment, which, according to Rickert, realises the ought. Thus, Rickert shares the Fichte-an idea of the ethical-volitional principle and its primacy over all cognition, hence for him the object of cognition is totally immersed in the sphere of the ought. Rickert puts the pure practical act of will at the basis of all theoretical cognition: “It is only insofar as I am a moral being that certainty is a possibility for me, for the criterion of every theoretical truth cannot itself be theoretical; it is something practical and I am

⁷ “Jede Beurteilung tritt deshalb in der alternativen Form der Billigung oder der Mißbilligung auf. Das Vorgestellte Subjekt des Satzes entspricht entweder dem Zweck oder es tut das nicht, und so verschieden die Grade dieses Entsprechens oder Nichtentsprechens resp. Widersprechens, so verschieden deshalb die Grade der Billigung oder der Mißbilligung sein mögen, eins von beiden, Beifall oder Mißfallen, muß eintreten, wenn überhaupt von einer erfolgreichen Beurteilung die Rede sein soll.”

⁸ For a brief reconstruction of Rickert’s theory of values see, for example, Zagirnyak (2012, p. 41).

⁵ Краткую реконструкцию теории ценностей Риккерта см., напр.: (Загирняк, 2012, с. 41).

⁶ Критику этой концепции Риккерта, в частности С. Л. Рубинштейном, см.: (Dmitrieva, 2021, p. 1134).

отсылку к должному, обладающему надындивидуальной значимостью, теоретическое познание оказывается у Риккерта невозможным. Приоритет оценивающей воли субъекта трансформирует понятие интеллекта, но не принижает, а усложняет его, то есть примат практического разума, согласно Риккерту, усиливает теоретический разум.

Младший коллега Виндельбанда и Риккерта Э. Ласк в своей диссертации «Идеализм Фихте и история» (1902) несколько переоценивает философское учение Фихте. Согласно Ласку, Фихте действительно на шаг опережает Канта, потому что видит, что дуализм между пониманием и чувственностью скорее относителен, чем абсолютен. Ласк восстанавливает Фихте как философа в его собственном праве и показывает его как мыслителя, у которого действительно есть наиболее правдоподобное решение проблемы иррациональности, продолжавшей мучить современную обоим — Фихте и Ласку — философию. Центральный тезис диссертации о философии Фихте, состоявший в том, что полная рационализация опыта понимается Фихте не как конститутивная реальность, а как регулятивный идеал, был подхвачен неокантианцами младшего поколения⁷. Ласк объясняет, что в решении проблемы иррациональности существуют две противоположные стратегии, или «логики». Есть аналитическая логика Канта, которая признает дуализм между всеобщим и частным, где всеобщее абстрактно и «аналитично», а факты истории и опыта по отношению к нему частны и случайны; и есть эманационистская логика Гегеля, которая отрицает дуализм между всеобщим и частным, потому что понимает всеобщее как критическое и «синтетическое» органическое целое, из кото-

⁷ Байзер указывает на любопытный факт: в своей работе «Проблема познания в философии и науке Нового времени» Эрнст Кассирер развивает интерпретацию Фихте, которая удивительно похожа на интерпретацию Ласка, и, вероятно, не случайно он цитирует работу Ласка в самом начале своей главы о Фихте (Beiser, 2018, S. 315).

duty-bound to proceed from it”⁹ (Rickert, 1899, p. 8). As a result he makes all theoretical veracity contingent on the practical act¹⁰. The practical act directed at the ought is the sought-for universal criterion of all possible cognition. For Rickert, theoretical cognition is impossible without the subject’s act of will which appeals to the ought that has supra-individual significance. The primacy of the subject’s evaluating will transforms the concept of the intellect; it does not belittle it, but complicates it, i.e. the primacy of practical reason, according to Rickert, strengthens theoretical reason.

Emil Lask, a junior colleague of Windelband and Rickert, in his dissertation “The Idealism of Fichte and History” (1902) somewhat overestimates the philosophy of Fichte. Lask believes that Fichte is really a step ahead of Kant because he is aware that the dualism of understanding and sensibility is rather relative than absolute. Lask reinstates Fichte as a philosopher in his own right and shows him as a thinker who does indeed offer the most plausible solution to the problem of irrationality which continued to torment the philosophy of which both Fichte and Lask were contemporaries. The central thesis of the dissertation on Fichte, viz., that Fichte understands the complete rationalisation of experience not as the constituting reality, but as a regulative idea, was taken up by neo-Kantians of the younger generation.¹¹ Lask explains that there are two opposite strategies, or “logics”, in solving the problem of rationality. There is the analytical logic of Kant which

⁹ “Nur inwiefern ich ein moralisches Wesen bin, ist Gewissheit für mich möglich, denn das Kriterium aller theoretischen Wahrheit, ist nicht selbst wieder ein theoretisches, es ist ein praktisches, bei welchem zu beruhen Pflicht ist.”

¹⁰ For a critique of Rickert’s concept, for example by Sergei L. Rubinstein, see Dmitrieva (2021, p. 1134).

¹¹ Beiser (2018, p. 315) points to a curious fact: in his work “The Problem of Cognition in Modern Time Philosophy and Science” Ernst Cassirer elaborates Fichte’s interpretation which is uncannily similar to that of Lask and it is perhaps not by chance that he quotes Lask’s work in the very beginning of his chapter on Fichte.

рого необходимо исходят все частности (Lask, 1923, S. 31–72). Ласк утверждает, что оригинальность Фихте заключалась в его попытке найти срединный путь между этими крайними позициями (Ibid., S. 73–80). Фихте в согласии с Кантом справедливо признавал, говорит Ласк, что конкретное всеобщее невозможно для нас, людей, с нашим конечным и дискурсивным пониманием. Тем не менее он настаивал на том, что это должен быть регулятивный идеал, цель исследования и этического действия.

Таким образом, ключевой идеей Фихте, оказавшей влияние на баденских неокантианцев, является именно этико-волевая трактовка примата практического разума. У Виндельбанда это выражается в постулировании априорных норм и оценок, которые выступают условием самосознания разума; у Риккерта примат практического разума получает гносеологический поворот, в результате чего сфера познания становится сферой должноствования; а Ласк концентрирует свое внимание на решении проблемы иррационального.

3.2. Марбургская школа неокантианства

В практической философии марбургского неокантианства центральным кантовским понятием, содержание которого в интерпретации Г. Когена и П. Наторпа испытало сильное влияние Фихте, стало понятие чистой воли. Отношение к Фихте в марбургском неокантианстве, в отличие от баденского, выглядит скорее полемическим, нежели благосклонным.

Полемика Когена с Фихте отразилась прежде всего в этике. Этика была призвана, по задумке Когена, объединить всю выстраиваемую систему философии, поскольку в ней заложено то позитивное ядро, которое делает философию наукой. Практическая деятельность разума порождает особую сферу, независимую от природы. В данном тезисе Коген оказывается близким Фихте с его идеей волевого чувства и действия, которые определяют сферу теорети-

recognises the universal versus particular dualism where the universal is abstract and “analytical” while the facts of history and experience are particular and contingent relative to it; and there is the emanationist logic of Hegel which denies the general versus particular dualism, because it interprets the general as a critical and organic “synthetic” whole from which all the particulars are necessarily derived (Lask, 1923, pp. 31-72). Lask claims that Fichte’s originality consists in his attempt to find a middle way between these two extreme positions (*ibid.*, pp. 73-80). Lask writes that Fichte, like Kant, rightly admitted that the concrete general is impossible without us humans, with our finite and discursive understanding. Even so, he insisted that it should be a regulative idea, the goal of research and ethical action. Thus, Fichte’s key idea that influenced the Southwest neo-Kantians is the ethical-will interpretation of the primacy of practical reason. Windelband expresses it by positing *a priori* norms and evaluations which are the condition of the self-consciousness of reason; Rickert gives an epistemological turn to the primacy of practical reason; as a result the sphere of cognition becomes the sphere of the ought, and Lask concentrates on solving the problem of the irrational.

3.2. The Marburg School of Neo-Kantianism

In the practical philosophy of Marburg neo-Kantianism the central concept whose interpretation by Cohen and Natortp was most influenced by Fichte was the concept of pure will. Marburg neo-Kantians, unlike those of the Southwest, saw Fichte in polemical rather than favorable terms.

Cohen’s polemic with Fichte was reflected above all in ethics. In Cohen’s project ethics was called upon to unite his entire system of philosophy since it contains the positive nucle-

ческого знания. Коген соглашается с фихтевским утверждением примата практического разума, однако к философии Фихте в целом относится критически и старается от нее дистанцироваться. Так, в книге «Кантовское обоснование этики» (1877), в главе «Примат практического разума и понимание его у Фихте», посвященной фихтеанской интерпретации примата практического разума Канта (Cohen, 1877, S. 254–277), Коген настаивает на том, что индивидуальное сознание, Я, не может определить сферу практического действия — сфера практического разума для Когена надиндивидуальна⁸. В представлении Когена Фихте не удалось последовательно применить трансцендентальный метод, чтобы актуализировать изначальное чувство, поэтому фихтеанство положило в основание познания субъективизм (Edel, 2002, S. 40). Фихтевское учение, помещающее в основание научного теоретического познания самосознание, искажает истинный смысл трансцендентального метода. В установлении тотального примата практического разума у Фихте, по мнению Когена, искажается сама идея и суть критического трансцендентального метода Канта. Дистанцирование от Фихте Коген развивает в своей «Этике чистой воли» (1904), где настаивает на излишней психологичности фихтеанского подхода, сводящего саморазвертывание сознания к индивидуальному сознанию. Вместе с тем на основе фихтевской идеи самосознания Коген выстраивает собственную теорию самосознания чистой воли. Устанавливая чистую волю в качестве практического идеала и регулятивной идеи, Коген возвращает ей априорный характер, а этике — трансцендентальность, утраченную, по его мнению, в философии Фихте. При этом когеновская структура самосознания сохраняет в себе интуиции Фихте: связь с действием, свободу, автономию и др. (Cohen, 1904, S. 156–367).

⁸ Подробнее о критике Фихте Когеном см.: (Белов, 2014, с. 192).

us that makes philosophy a science. The practical activity of reason creates a special sphere independent of nature. This thesis brings him close to Fichte with his idea of the will's feeling and action that determine the sphere of theoretical knowledge. Cohen agrees with Fichte's affirmation of the primacy of practical reason, but on the whole he is critical of Fichte's philosophy and tries to distance himself from it. Thus, in the book *Kant's Foundations of Ethics*, in the chapter "Primacy of Practical Reason and Its Interpretation by Fichte", Cohen (1877, pp. 254-277) insists that individual consciousness, the I, cannot determine the sphere of practical action (for Cohen the sphere of practical reason is supra-individual).¹² In Cohen's view, Fichte failed to consistently apply the transcendental method to actualise the primary feeling, which is why Fichteanism considers subjectivism to be the foundation of cognition (Edel, 2002, p. 40). The Fichtean doctrine, which puts self-consciousness at the basis of scientific theoretical cognition, distorts the true meaning of the transcendental method. In Cohen's opinion, by affirming the total primacy of practical reason Fichte distorts the very idea and essence of Kant's critical transcendental method. Cohen further distances himself from Fichte in his *Ethics of Pure Will* (1904), in which he argues that Fichte is unduly psychological in reducing the self-unfolding of consciousness to individual consciousness. At the same time Cohen builds his own theory of self-consciousness of pure will on the basis of the Fichtean idea of self-consciousness. In positing pure will as the practical ideal and regulative idea, Cohen brings back its *a priori* character and returns to ethics its transcendental character which, he argues, is lost in Fichte's philosophy. Nevertheless, Cohen's structure of self-consciousness preserves Fichte's intuitions: the link with action, freedom, autonomy, etc. (Cohen, 1904, pp. 156-367).

¹² See more on Cohen's critique of Fichte in Belov (2014, p. 192).

П. Наторп в зрелый период своего творчества ориентировался главным образом на социальные идеи Фихте, которые он реализовал и развил в своем педагогическом учении (Goubet, 2012, S. 3–4). В других сферах философии влияние Фихте на Наторпа становится заметнее в поздних произведениях, таких как «Всеобщая логика» (1918/19), «Практическая философия» (1920/21), «Философская систематика» (1958)⁹. Центральное понятие поздней философии Наторпа — «пойэсис». Пойэсис, согласно Наторпу, — это заключительный этап познания, представляющий целостность всего многообразия опыта, цель и итог взаимодействия теоретического и практического. С его точки зрения, познание уже содержит в себе совокупность всего конкретного, поскольку саморазворачивается в «жизни». Предельная саморазвернутость познания и есть пойэсис. Концепция пойэсиса позволяет соединить теоретическое и практическое в единство. Это понятие оказывается схожим с концепцией самосознания Я у Фихте. Пойэсис воплощает целостность конкретного опыта, которая запускает работу и теоретического, и практического разума. Пойэсис является источником и основанием для теоретического и практического «установления предмета познания» (Natorp, 1980, S. 251–252). Нечто есть и нечто можно осмыслить только в силу наличия предельного единства опыта — пойэсиса, который является исходным и последним (идеальным) пунктом познания. Обращение Наторпа к фихтеанской идее, возможно, стало результатом метафизического поворота в его поздней философии.

Таким образом, следует констатировать, что марбургские неокантианцы использовали идеи Фихте также для утверждения примата

⁹ Все три сочинения взаимосвязаны и представляют единый цикл, в котором выстраивается поздняя философия Фихте. Ж.-Ф. Губэ в своей статье говорит только про курс лекций «Практическая философия» (Goubet, 2012), но, по моему мнению, тезис о влиянии Фихте можно распространить на весь цикл поздних произведений Наторпа.

Natorp in his mature period was oriented chiefly toward Fichte's social ideas which he implemented and developed in his pedagogical doctrine (Goubet, 2012, pp. 3-4). In other spheres of philosophy Fichte's influence on Natorp becomes more noticeable in later works, such as *General Logic* (1918/19), *Practical Philosophy* (1920/21), and *Philosophical Systematics* (1958).¹³ The central concept of Natorp's later philosophy is *poiesis*. According to Natorp, *poiesis* is the final stage of cognition representing the unity of the diversity of experience, the goal and outcome of the interaction between the theoretical and the practical. In his view, cognition already contains the totality of all that is concrete inasmuch as it self-unfolds in "life". *Poiesis* is the ultimate in the self-unfolding of cognition. The concept of *poiesis* makes it possible to combine the theoretical and the practical in unity. The concept turns out to be similar to Fichte's concept of the self-consciousness of the I. *Poiesis* embodies the wholeness of concrete experience which launches the activity both of theoretical and practical reason. *Poiesis* is the source and the foundation of theoretical and practical "object positing" (*Gegenstandsetzung*) (Natorp, 1980, pp. 251-252). Something is and something can be thought only because there exists the ultimate unity of experience, *poiesis*, which is the starting and final (ideal) point of cognition. Natorp's turn to the Fichtean idea was probably the result of the metaphysical turn in his later philosophy.

Thus it can be said that the Marburg neo-Kantians used Fichte's ideas also to assert the primacy of practical reason, but they construed Fichte's approach as psychological and sought to confer a new transcendental status on the idea of self-unfolding of consciousness.

¹³ All three works are interconnected and form a single cycle in which Fichte's later philosophy is presented. Jean-François Goubet (2012) in his article refers only to the *Practical Philosophy* course of lectures, but in this writer's opinion the thesis on the influence of Fichte can be applied to the entire cycle of Natorp's later works.

практического разума, однако трактовали подход Фихте как психологичный и стремились придать его идее саморазвертывания сознания новый трансцендентальный статус.

Заключение

Этический идеализм Фихте был одной из центральных и дискуссионных тем для обеих неокантианских школ. Виндельбанд и Риккерт видели в фихтеанской интерпретации кантовского учения о примате практического разума решающий поворот в современном мышлении. Понятия Фихте о практическом самосознании и изначальном чувстве получили у Виндельбанда и Риккерта систематическое значение и стали основанием для их теорий ценностей. Учение о должном баденских неокантианцев представляет собой слияние кантовской идеи о примате практического разума с фихтеанским установлением долженствования. Только у баденцев разум сознает себя не через соотнесение с чистым Я, а через соотнесение с априорными структурами культуры. Переоценку фихтеанства произвел Э. Ласк, предложивший рассматривать фихтеанское решение проблемы иррационального как срединный путь между позициями Канта и Гегеля.

В практической философии марбургского неокантианства центральным кантовским понятием, содержание которого в интерпретации Когена и Наторпа претерпело сильное влияние Фихте, стало понятие чистой воли. На его основе Коген выстроил собственную теорию практического самосознания и связал свой подход с принципом интерсубъективности у Фихте. Несмотря на различие позиций Фихте и Когена, очевидно, что первый является для второго отправной точкой и фоном, которым он «оттеняет» свою теорию самосознания. В свою очередь, поздний Наторп под влиянием философии Фихте возвел самоотношение чистой воли в высший принцип своей этики.

Conclusion

Fichte's ethical idealism was a central and controversial theme of both neo-Kantian schools. Windelband and Rickert saw the Fichtean interpretation of Kant's doctrine of the primacy of practical reason as a decisive turn in modern thought. Fichte's concept of practical self-consciousness and original feeling acquired systematic significance in Windelband and Rickert and formed the foundation of their theories of values. The Southwest school's doctrine on the ought is a blend of the Kantian idea of the primacy of practical reason and the Fichtean establishment of the ought. It is only in the Southwest school that reason is conscious of itself not through correlation with the pure I, but through correlation with *a priori* structures of culture. Lask reassessed Fichteanism by suggesting that the Fichtean solution to the problem of the irrational is a middle way between the positions of Kant and Hegel.

In the practical philosophy of the Marburg school the central Kantian concept which was heavily influenced by Fichte was the concept of pure will as construed by Cohen and Natort. On its basis Cohen built his own theory of practical self-consciousness, linking his approach with Fichte's principle of intersubjectivity. In spite of the difference between the positions of Fichte and Cohen, it is obvious that the former is, for the latter, the starting point and the background which accentuates his theory of self-consciousness. In turn, the later Natort, under the influence of Fichte's philosophy, elevated the self-relation of pure will to the status of the highest principle of his ethics.

The study of the way German neo-Kantians assimilated the key provisions of Fichtean philosophy and integrated them in the philosophical discourse of neo-Kantianism makes it possible to reconstruct the image of Fichte's philosophy formed by German neo-Kantians which later spread to Russian neo-Kantianism.

Исследование специфики усвоения немецкими неокантианцами основных положений фихтеанской философии и их интеграции в философскую проблематику неокантианства позволяет реконструировать тот образ философии Фихте, который сложился у немецких неокантианцев и впоследствии распространился и в русском неокантианстве. Основные черты этого образа выражены в следующем: Фихте для неокантианцев является удобной фигурой, от которой можно отталкиваться при построении собственных учений в силу единства целей, а именно — стремления соединить теоретический и практический разум; философские идеи Фихте получают в неокантианстве ярко выраженный этический разворот; неокантианские философы разрабатывают самостоятельные теории самосознания «в духе» Фихте; укрепление позитивного отношения у неокантианцев обеих школ к идеям Фихте можно связать с возрастанием метафизической составляющей в оригинальных неокантианских учениях.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук, проект МК-4700.2021.2 «Философия Фихте в русском неокантианстве».

Список литературы

Белов В. Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 174–199.

Белов В. Н. Наши разногласия: к юбилею ведущего кантоведа современной России // Кантовский сборник. 2016. № 2. С. 10–15.

Быкова М. Ф. Концепция субъекта в философии Фихте // Историко-философский ежегодник 2006. М. : Наука, 2006. С. 151–179.

Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. С. 22–58.

Виндельбанд В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.

The main features of this image are as follows: for neo-Kantians Fichte is a convenient figure that can be used as a jumping-off point in building their own doctrines, owing to the common goals, viz., the striving to connect theoretical and practical reason; Fichte's philosophical ideas gain a pronounced ethical character in neo-Kantianism; neo-Kantian philosophers develop their own theories of self-consciousness "in the spirit" of Fichte; growing acceptance of Fichte's ideas by neo-Kantians of both schools can be attributed to the growing metaphysical component in original neo-Kantian doctrines.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian President's Grant МК-4700.2021.2 "Fichte's Philosophy in Russian Neo-Kantianism".

References

Beiser, F., 2018. Neo-Kantianism as Neo-Fichteanism. *Fichte-Studien*, 45, pp. 309-327.

Belov, V.N., 2014. Ethics in the System of Philosophical Criticism of Hermann Cohen. *Ethical Thought*, 14, pp. 174-199. (In Rus.)

Belov, V.N., 2016. Our Disagreements: On the Anniversary of the Leading Kant Scholar of Modern Russia. *Kantian Journal*, 2(56), pp. 10-15. (In Rus.)

Bykova, M.F., 2006. The Concept of the Subject in Fichte's Philosophy, *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2006*, pp. 151-179. (In Rus.)

Cohen, H., 1877. *Kants Begründung der Ethik*. Berlin: Harwitz und Gossman.

Cohen, H., 1904. *System der Philosophie. Teil 2: Ethik des reinen Willens*. Berlin: Bruno Cassirer.

Dmitrieva, N.A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: 'Marburg' v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki [Russian Neo-Kantianism: Marburg in Russia. Historical and Philosophical Essays]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Dmitrieva, N.A., 2021. The Kantian Origins of Sergei Rubinstein's Theory of Moral Improvement. *Journal of Philosophy of Education*, 55(6), pp. 1126-1141.

Edel, G., 2002. Fichte — Marburger Neukantianismus (insbesondere Natorp) und die philosophische Methode. In: D. Pätzold and Ch. Krijnen, eds. 2002. *Der Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: Die philosophische Methode*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 35-47.

Гайденко П. П. *Философия Фихте и современность*. М. : Мысль, 1979.

Дмитриева Н. А. *Русское неокантианство: «Марбург» в России : историко-философские очерки*. М. : РОССПЭН, 2007.

Загирняк М. Ю. Понятие ценности у Г. Риккерта и его интерпретация в философии С. И. Гессена // *Кантовский сборник*. 2012. №1. С. 40–44.

Калинников Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой*. М. : РОССПЭН, 2010. С. 56–66.

Кант И. Заявления по поводу Наукоучения Фихте // *Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 8. С. 263–264*.

Кант И. Критика практического разума // *Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 373–565*.

Семенов В. Е. Конструктивное мышление в критической философии Германа Когена // *Кантовский сборник*. 2022. Т. 41, № 3. С. 76–101.

Фихте И. Г. Очерк особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности // *Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993а. Т. 1. С. 339–434*.

Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // *Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993б. Т. 1. С. 65–337*.

Beiser F. *Neo-Kantianism as Neo-Fichteanism // Fichte-Studien*. 2018. Bd. 45. S. 309–327.

Cohen H. *Kants Begründung der Ethik*. Berlin : Harwitz und Gossman, 1877.

Cohen H. *System der Philosophie. T. 2 : Ethik des reinen Willens*. Berlin : Bruno Cassirer, 1904.

Dmitrieva N. A. The Kantian Origins of Sergei Rubinstein's Theory of Moral Improvement // *Journal of Philosophy of Education*. 2021. Vol. 55, № 6. P. 1126–1141. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12632>.

Edel G. Fichte – Marburger Neukantianismus (insbesondere Natorp) und die philosophische Methode // *Der Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: Die philosophische Methode / hrsg. von D. Pätzold, Ch. Krijnen*. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2002. S. 35–47.

Edel G. Zum Fichte-Bild im Marburger Neukantianismus // *Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert*. Leiden : Brill, 2013. Bd. 3. S. 15–31.

Gadamer H.-G. *Subjektivität und Intersubjektivität, Subjekt und Person // Gesammelte Werke*. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1995. Bd. 10 : *Hermeneutik im Rückblick*. S. 87–99.

Edel, G., 2013. Zum Fichte-Bild im Marburger Neukantianismus. In: J. Stolzenberg and O.-P. Rudolph, eds. 2012. *Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert. Volume 3*. Leiden: Brill, pp. 15-31.

Fichte, I.G., 2021. Foundation of the Entire Wissenschaftslehre. In: I.G. Fichte, 2021. *Foundation of the Entire Wissenschaftslehre and Related Writings (1794–95)*. Edited and translated by D. Breazeale. Oxford: Oxford University Press, pp. 196-378.

Fichte, I.G., 2021. Outline of the Distinctive Character of the Wissenschaftslehre with Respect to the Theoretical Faculty. In: I.G. Fichte, 2021. *Foundation of the Entire Wissenschaftslehre and Related Writings (1794–95)*. Edited and translated by D. Breazeale. Oxford: Oxford University Press, pp. 380-436.

Gadamer, H.-G., 1995. Subjektivität und Intersubjektivität, Subjekt und Person. In: H.-G. Gadamer, 1995. *Gesammelte Werke. Volume 10: Hermeneutik im Rückblick*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), pp. 87-99.

Goubet, J.-F., 2012. Paul Natorps Fichte-Rezeption in der “Praktischen Philosophie” von 1925. In: J. Stolzenberg and O.-P. Rudolph, eds. 2012. *Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert. Volume 3*. Leiden: Brill, pp. 3-14.

Heinz, M., 1997. Die Fichte-Rezeption in der südwestdeutschen Schule des Neukantianismus. *Fichte-Studien*, 13, pp. 109-129.

Kalinnikov, L.A., 2010. On the Need to Reevaluation Neo-Kantianism in the Light of the Contemporary Interpretation of I. Kant's System. In: I.N. Griftsova and N.A. Dmitrieva, eds. 2010. *Nemetskoe i russkoe neokantianstvo: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Knowledge and Criticism of Culture]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 56-66. (In Rus.)

Kant, I., 1996. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 1999. *Correspondence*. Translated and edited by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.

Lask, E., 1923. Fichtes Idealismus und die Geschichte In: E. Lask, 1923. *Gesammelte Schriften. Volume 1*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), pp. 1-274.

Natorp, P., 1980. Allgemeine Logik. In: W. Flach and H. Holzhey, 1980. *Erkenntnistheorie und Logik im Neukantianismus*. Hildesheim: Olms, pp. 226-269.

Noras, A., 2020. *Geschichte des Neukantianismus*. Bern: Peter Lang.

Goubet J.-F. Paul Natorps Fichte-Rezeption in der «Praktischen Philosophie» von 1925 // Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert. Leiden : Brill, 2012. Bd. 3. S. 3–14.

Heinz M. Die Fichte-Rezeption in der südwestdeutschen Schule des Neukantianismus // Fichte-Studien. 1997. Bd. 13. S. 109–129.

Lask E. Fichtes Idealismus und die Geschichte // Gesammelte Schriften. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1923. Bd. 1. S. 1–274.

Natorp P. Allgemeine Logik // Erkenntnistheorie und Logik im Neukantianismus / hrsg. von W. Flach und H. Holzhey. Hildesheim : Olms, 1980. S. 226–269.

Noras A. Geschichte des Neukantianismus. Bern : Peter Lang, 2020.

Rickert H. Fichtes Atheismusstreit und die kantische Philosophie. Berlin : Reuther & Reichard, 1899.

Stolzenberg J. Fichte im Neukantianismus. Probleme der Fichte-Rezeption bei Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Hermann Cohen und Paul Natorp // Neukantianismus und Rechtsphilosophie / hrsg. von R. Alexy, L.H. Meyer, S.L. Paulson, G. Sprenger. Baden-Baden : Nomos, 2002. S. 421–434.

Witzleben F. Fichtes Subjektbegriff im Neukantianismus // Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert. Leiden : Brill, 2013. Bd. 3. S. 33–46.

Об авторе

Леонид Юрьевич Корнилаев, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: LKornilaev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

Для цитирования:

Корнилаев Л.Ю. Образ философии Фихте в немецком неокантианстве // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 4. С. 76–93.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-4

© Корнилаев Л.Ю., 2022.

Rickert, H., 1899. *Fichtes Atheismusstreit und die kantische Philosophie*. Berlin: Reuther & Reichard.

Semyonov, V.Ye., 2022. Constructive Thinking in the Critical Philosophy of Hermann Cohen. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 76-101. (In Rus.)

Stolzenberg, J., 2002. Fichte im Neukantianismus. Probleme der Fichte-Rezeption bei Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Hermann Cohen und Paul Natorp. In: R. Alexy, L.H. Meyer, S.L. Paulson, G. Sprenger, eds. 2002. *Neukantianismus und Rechtsphilosophie*. Baden-Baden: Nomos, pp. 421-434.

Windelband, W., 1880. *Die Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Cultur und den besonderen Wissenschaften dargestellt*. Bd. 2: *Die Blüthezeit der deutschen Philosophie. Von Kant bis Hegel und Herbart*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.

Windelband, W., 1915. Was ist Philosophie? (Über Begriff und Geschichte der Philosophie). In: W. Windelband, 1915. *Präludien: Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte*. Volume 1. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), pp. 1-54.

Witzleben, F., 2013. Fichtes Subjektbegriff im Neukantianismus In: J. Stolzenberg and O.-P. Rudolph, eds/ 2013. *Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert*. Volume 3. Leiden: Brill, pp. 33-46.

Zagirnyak, M.Yu., 2012. The Concept of Value in H. Rickert and its Interpretation in the Philosophy of S.I. Hessen. *Kantian Journal*, 1(39), pp. 40-44.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Leonid Yu. **Kornilaev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LKornilaev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

To cite this article:

Kornilaev, L.Yu., 2022. The Image of Fichte's Philosophy in German Neo-Kantianism. *Kantian Journal*, 41(4), pp. 76-93.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-4-4>

© Kornilaev L. Yu., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))